

Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürsten-dynastie. Philologische Argumente für die Historität von Rjurik und Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980. Bd. 28. S. 321–333.

Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934.

Elena A. Melnikova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SOME REMARKS ON THE LANGUAGE
OF THE TALE ABOUT THE INVITATION OF VARANGIANS

The article deals with a specific feature of the language of the *Tale about the Invitation of Varangians* – the usage of pair synonymic word combinations (substantive, verbal, and adjective) that are typical for folklore texts but are alien to other parts of the chronicles. The same types of word combinations are found in the preamble and eschatocol of the Russian-Byzantine treaty of 911. This peculiarity might witness the reflection of a kind of ‘juridical language’ used in both the treaty with the Varangians (the core of the *Tale*) and the treaty of 911.

Keywords: the *Tale about the Invitation of Varangians*, pair synonymic word combinations, Russian-Byzantine treaty of 911

УДК 930 ББК 63.3(2)41 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0021

А. В. Назаренко

ИВИ РАН, ИРИ РАН, Москва, Россия. avnazarenko-hist@yandex.ru

КОЕ-ЧТО О ДВУХ РУССКИХ МИТРОПОЛИТАХ XI в.
ЕФРЕМЕ КИЕВСКОМ И ЕФРЕМЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОМ

Сведения о древнерусских митрополитах середины – второй половины XI в. Ефреме Киевском и Ефреме Переяславском часто смешиваются вследствие их тезоименности. Автор стремится внести некоторую ясность в этот вопрос, полемизируя с недавней попыткой отождествить оба персонажа.

Ключевые слова: Киевская митрополия, Переяславская митрополия, евнухи

Замечательным открытием последних десятилетий стало обнаружение в одном из греческих сборников Ватиканской библиотеки *cod. Vatic. gr. 828* (XIII–XIV в.) антилатинского сочинения киевского митрополита середины XI в. Ефрема¹, которое, таким образом, открывает довольно представительный ряд полемических текстов против латинян, созданных во второй половине XI–XII в. иерархами Русской церкви [Подскальски, с. 280–303].

О Ефреме известно очень мало, хотя в этом отношении он едва ли сильно отличается от других митрополитов домонгольской Руси. Но в данном случае скудость сведений осложнена еще одним обстоятельством – наличием другого тезоименитого ему митрополита Ефрема, который занимал кафедру в Переяславле Русском (Южном) в течение всей последней трети XI в. [Назаренко, 2008б; Хрусталеv]. Эта опасная одноименность совсем недавно привела даже к историографическому казусу – попытке вообще изъять Ефрема из списка киевских митрополитов, объявив его фигурой вполне легендарной, а имеющиеся о нем сведения – отчасти относящимися к Ефрему Переяславскому, отчасти же плодом недоразумения [Толочко, с. 73–82].

Столь радикальный опыт, на наш взгляд, удачным признать нельзя, причем не в последнюю очередь тому препятствует как раз антилатинский трактат.

Да, заглавие этого сочинения, в котором оно приписывается «Ефрему, боголюбивейшему митрополиту России» («Εφραίμ τοῦ θεοφιλεστάτου μητροπολίτου Ῥωσίας...»), само по себе не может служить безоговорочным свидетельством того, что речь идет именно о Ефреме Киевском. Так, «митрополитом России» поименован и Ефрем Переяславский в документах константинопольского синода от сентября 1089 г. в период вакантности киевской кафедры² [Назаренко, 2016, с. 265–269]; кроме того, печать «Ефрема, протопроедра и митрополита России», в своде В. Л. Янина отнесенную к киевскому Ефрему³, было бы позволительно переатрибутировать Ефрему Переяславскому, как подсказывает изображение на реверсе фигуры архангела – возможно, Михаила, которому был посвящен кафедральный собор в Переяславле Русском [Назаренко, 2009, с. 232, примеч. 97; Назаренко, 2008б, с. 38]. Куда сложнее согласовать предположение об авторстве Ефрема Переяславского с содержанием трактата и его археографической судьбой, а именно тем фактом, что текст сохранился только в греческом оригинале. Конечно, это не исключение – только в греческих списках сохранилось также и антилатинское сочинение переяславского митрополита Леонтия 70-х годов XI в. [Рорре], но в данном случае

¹ Čičurov I. Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // *Fontes Minores*. Frankfurt, 1998. T. 10. S. 319–356 (греческий текст трактата — S. 343–345); в русском переводе этой статьи [Чичуров, 2007, с. 241–264] издание памятника, к сожалению, опущено; о сочинении Ефрема см. также: [Чичуров, 1996; Назаренко, 2008а].

² Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I. und Papst Urban II. im Jahre 1089 // *Byzantinische Zeitschrift*. München, 1928. Bd. 28. S. 61; Becker A. Papst Urban II. Stuttgart, 1964. Teil 1. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. Bd. 19/1). S. 217 (по изданию В. Хольцманна).

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1: Печати X – начала XIII в. № 42.

отсутствие славянского перевода принципиально важно. Чтобы понять почему, надобно принять в расчет одну деталь биографии Ефрема Переяславского, на которой мы хотели бы задержать внимание.

В отличие от киевского Ефрема, биография его переяславского тезки в общих чертах поддается восстановлению благодаря тому, что начальный ее этап отразился в таком раннем и достоверном источнике, как Несторово Житие Феодосия Печерского, ведь Ефрем был некоторое время монахом Киево-Печерского монастыря, придя в него одновременно с Варлаамом, впоследствии недолгое время игуменом печерским. И вот, оказывается, что Ефрем Переяславский был скопцом, или по-древнерусски «кажеником», и до прихода в монастырь занимал высокую должность при дворе киевского князя Изяслава Ярославича (1054–1078, с перерывами): «Тогда же (что и Варлаам. – А. Н.) приде каженикъ нѣкто от княжа дому, иже бѣ любим князем и предрѣжа у него вся, и моляшеся старцю Антонию, и той хотя быти чрѣноризецъ. Его же поучивъ старецъ еже о спасении души, и предасть его Никону, да того острижетъ. Он же и того остригъ... и Ефрѣм имя ему нарекъ». Изяслав был сильно разгневан произошедшим без его ведома и позволения и намеревался было вообще «печеру... раскопать», но дело уладилось после вмешательства его супруги польки Гертруды, которая напомнила, какие беды принесло ее родине преследование монахов, случившееся в правление ее деда, польского князя Болеслава I (992–1025). Впечатлительный князь пошел на попятную, но Никон и Ефрем сочли все же за благо удалиться: первый – в Тмуторокань (она принадлежала брату Изяслава – Святославу, князю черниговскому), а второй – не куда-либо, а напрямиком в Царьград: «По сих же паки Ефрѣмъ каженикъ отиде въ Костянтинь градъ и ту живяше въ единомъ манастыри. Послѣже изведенъ бысть и въ страну сию и поставленъ бысть митрополитѣмъ въ городѣ Переяслави»⁴. Скопчество Ефрема отмечено и в Лаврентьевской летописи в глоссе, видимо, переяславского или ростовского происхождения: «Се бо Ефрѣмъ бѣ скопецъ высокъ тѣломъ»⁵.

Нам не случилось встречать каких бы то ни было комментариев по поводу скопчества Ефрема, между тем оно того заслуживает. Ведь для Руси евнушество было столь же необычно, сколь ordinarily для Византии.

В Ромейской державе евнухи занимали прочное и очень видное место как при императорском дворе, так и в церковной иерархии. По образному, пусть и не вполне аппетитному выражению императора-писателя Константина VII Багрянородного (912–959), царский дворец столь же кишел евнухами, как хлев весной – мухами⁶. Ряд ключевых должностей, связанных непосредственно с персоной императора, его личным и дворцовым обиходом, замещались практически только евнухами. Таковы были, например, должности паракимомена – начальника царской опочивальни, обычно ближайшего наперсника василевса, или протовестиария, заведовавшего царским гардеробом. Как следствие, карьерные перспективы, открывавшиеся перед евнухами, были столь широки, что даже в знатных семьях, не исключая и царское, прибегали к болезненной и опасной процедуре оскопления детей из желания укрепить в будущем влияние рода в государстве. Достаточно сказать, например, что трое (!) братьев императора Михаила IV (1034–1041) были евнухами, среди них – пресловутый паракимомен Иоанн Орфанотроф, фактический правитель государства [Guiland, p. 165–380].

По византийским понятиям не было ничего необычного и в поставлении Ефрема Переяславского в митрополита. В церкви издревле (со времен Первого Никейского собора 325 г.) существовали ограничения на включение в клир евнухов, но они касались только самооскопившихся. В противном случае никаких препятствий не было вплоть до посвящения в епископа. Такая норма эксплицитно включена и в древнейшие русские кормчие книги, например, в Ефремовскую кормчую: «Аще кто каженикъ будетъ нужею ч(е)л(о)в(е)чьскою ли въ гонение отъята быша ему мужьская, ли тако родися, и достоинъ есть, да будетъ еп(и)с(ко)пъ»⁷. Остается думать, что Ефрем-каженик был греком по происхождению, который при каких-то обстоятельствах оказался на Руси и, попав здесь на княжескую службу, стал любимцем Изяслава.

Такое заключение, казалось бы, открывает путь для гипотезы А. П. Толочко: русский грек Ефрем вполне мог бы при необходимости написать трактат по-гречески. Но ведь он мог бы сделать это и по-славянски: перевел же он с греческого Студийский устав для родного Печерского монастыря⁸. Следовательно, пришлось бы предполагать грекоязычную аудиторию трактата. Между тем некоторые моменты в его содержании мешают сделать такое допущение: упоминание «Лехии»-Λεχία, едва ли говорившее что-либо греческому читателю, предвосхищало аналогичный пассаж в антилатинском послании киевского митрополита Никифора I (1104–1121) к вольнскому князю Ярославу Святополчичу⁹.

⁴ Житие Феодосия Печерского // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 370, 374; Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. Я. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 86, лев. стб. (первая часть цитаты в Успенском сборнике отсутствует вследствие лакуны в тексте).

⁵ ПСРМ. Изд. 2. Л., 1928. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 208.

⁶ Theophanes Continuatus. Cap. V, 74 // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E ges. I. Bekkeri. Bonn, 1838. P. 318; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. М., 1992. С. 133.

⁷ Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1. С. 66 (21-е апостольское правило).

⁸ Житие Феодосия Печерского. С. 378; Успенский сборник XII–XIII вв. С. 89, лев. стб.

⁹ «Земля Лядская» приведена здесь как ближайший пример «оплатки служащих»: Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 73; Творения митрополита Никифора / Изд. подгот. С. М. Полянским. М., 2006. С. 153, 172.

И уж совсем невозможно последовать за А. П. Толочко в его стремлении (почти программном для тех, по преимуществу киевских, исследователей, которые не принимают гипотезы о Начальном своде) дезавуировать уникальные сообщения Новгородской I летописи младшего извода и вообще новгородско-софийского летописания как позднее сочинительство, а среди них – и сообщение о суде киевского митрополита Ефрема над новгородским епископом Лукой¹⁰. В данном конкретном случае дело заключается еще и в том, что эпизод с «клеветой на епископа Луку от своего холопа Дудики» имеет вполне доброкачественные внетекстологические признаки исторической аутентичности [Назаренко, 2015а, с. 323–326; Назаренко, 2015б; Гиппиус, 2016а, с. 814–815].

Конечно, не приходится удивляться и тому, что налицо сюжеты, где (по крайней мере до времени) персоны обоих сливаются в единой амальгаме. Месяцеслов Мстислава евангелия содержит под 4 ноября уникальную запись о повторном (?) освящении митрополичьего собора в Киеве: «Въ тѣмъ [е] д(ь)нь с(вя)щеніе с(вя)тѣя Софіѣ, иже естъ въ Кыевъ град[ѣ], с(вя)щ(е)на Ефремѣ митрополитѣмъ»¹¹. В науке это сообщение принято относить к киевскому митрополиту Ефрему, хотя еще полтора века назад К. И. Невоструев предпочитал кандидатуру митрополита Ефрема Переяславского [Невоструев, с. 390–391] – мнение, которое в свое время было поддержано и нами [Назаренко, 2009, с. 263, примеч. 56]. К такому заключению нас подталкивало не столько то, что, как подчеркивал К. И. Невоструев, «Мстиславов список... близок ко времени митрополита Ефрема» Переяславского, сколько явная принадлежность последнего к окружению киевского князя Всеволода Ярославича (1078–1093). Вот почему Всеволод прочил Ефрема на киевскую кафедру после 1078 г., когда отдельная Переяславская митрополия была ему уже не нужна (подробнее о временной Переяславской митрополии см.: [Назаренко, 2009, с. 207–245; Назаренко, 2014]); шаги в этом направлении князь предпринимал, похоже, по смерти как митрополита Иоанна II в 1089 г., так и Иоанна III двумя годами позже. Немудрено, что имя митрополита Ефрема в связи с актом 4 ноября сохранилось лишь в литургической традиции, близкой к семейству Всеволода, – месяцеслове ктиторского евангелия старшего Мономахича. Ефрем Переяславский мог освящать киевскую Софию и в 1089 г., сразу по возвращении из Константинополя [Назаренко, 2016, с. 265–284], и в 1095 г., поскольку в эти годы 4 ноября приходилось на воскресенье; но наиболее вероятна первая из названных возможностей, ибо не видно причин, по каким новый киевский князь Святополк Изяславич (1093–1113) мог был отстаивать перед Константинополем кандидатуру в киевские митрополиты, столь дорогую Всеволоду и Владимиру Мономаху, так что вакантность киевского митрополичьего престола должна была скорее всего закончиться если не в 1093, то в 1094 г. Наличие такого естественного объяснения для даты освящения – заметное преимущество нашей гипотезы, ибо сторонники обычной точки зрения вынуждены подыскивать какие-то особые причины «загадочному выбору» дня повторного освящения столичного кафедрального собора [Лосева, с. 99–100]¹². Однако недавно в этот довольно стройный сценарий был внесен диссонанс: одному из новообнаруженных граффити Софийского собора в Киеве¹³ было предложено следующее авторитетное прочтение: «(Въ) лѣ^(т) 6560 свѣще(н)[а] стѣя С(о)[ф](и)я Е(фрем)омѣ ми(т)р(опо)литѣмъ ... [но](я)бря в 4» [Гиппиус, 2016б]. Поскольку сам автор такого прочтения квалифицирует его как предварительное («до получения качественных фотографий» надписи), то не будем спешить с выводами и мы.

Итак, пусть и не без труда и с потерями для традиционной историографии, данные о Ефреме Киевском и Ефреме Переяславском удастся развести, сохранив фигуру первого для древнерусской истории. Остается указать на одно обстоятельство, которое, кажется, позволяет протянуть пунктирную нить, связующую двух Ефремов.

Как ни мало внимания уделяют летописцы митрополитам (откуда и проистекает упомянутый дефицит сведений), прибытие из Константинополя евнухов они замечают. Помимо сведений о Ефреме Переяславском, под 1089 г. в Повести временных лет читаем: «Приведе Янка митрополита Ио(анна) скопчину, егоже видивше люд(и)е вси рекоша: се м(е)ртвецъ пришелъ, от года бо до года пребывъ умре»¹⁴. Под 1137 г. в Ипатьевской летописи аналогично, но несколько в другом роде: «Поставленъ бы(сть) скопечъ Мануило еп(и) с(ко)помъ Смоленску, пѣвечъ гораздыи, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третии къ бл(а)голюбивому кн(я)зю Мстиславу»¹⁵. Один из двух спутников Мануила науке известен: это его племянник Феодор, протеже владимиро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, незадачливый кандидат в митрополита Владимирского. Неизвестно, был или не был скопцом Феодор, но Мануил Смоленский повторил карьеру Ефрема Переяславского: из экзотического грека-евнуха на княжеской службе он (перейдя в какой-то момент от Мстислава Великого к его

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 182–183; ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. С. 65; Пг., 1915. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. Ч. 1. С. 118; М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. С. 183; и др.

¹¹ Апракос Мстислава Великого / Под ред. А. П. Жуковской. М., 1983. С. 234. В других немногочисленных минейных текстах, содержащих память об освящении Софийского собора 4 ноября [Лосева, с. 193], упоминания о Ефреме нет.

¹² За неимением лучшего исследовательница предлагает в качестве такой причины падавшее на 4 ноября поспраздество (!) памяти освящения храма св. великомученика Георгия в Лидде по Святогорбскому типикону. Очевидно, на этом основании А. Поппэ [Поппэ, с. 43], сильно упрощая дело, пишет просто о дне св. Георгия, хотя такая память неизвестна ни одному древнерусскому месяцеслову [Сергий (Спаский), с. 343–344].

¹³ Корнієнко В. В. Корпус графіті Софії Київської. Київ, 2015. Ч. 5: Приділ свв. Іоакима та Анни (південна сторона). № 3541.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208; 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 200.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300.

сыну смоленскому князю Ростиславу) поднялся со временем до епископской кафедры. Не думаем, чтобы простому монаху из Руси, пусть даже и греку, была открыта дорога в патриарший Алексеевский монастырь, откуда Ефрем, тогда еще не Переяславский, отправлял в Киев преподобному Феодосию типикон Алексея Студита. Не был ли будущий переяславский митрополит родственником Ефрема? И не попал ли он ко двору Изяслава Ярославича именно из митрополичьего окружения? И такой ли уж случайной была столь неудобная для историков тезоименность обоих митрополитов?

Литература

- Гиппиус А. А. Клевета на епископа Луку: Эпиграфические свидетельства летописного эпизода? // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 806–817. [Гиппиус, 2016а]
- Гиппиус А. А. К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2016. Вып. 38. С. 79–81. [Гиппиус, 2016б]
- Лосева О. В. Русские месящесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Назаренко А. В. Ефрем, митр. Киевский // ПЭ. М., 2008. Т. 19. С. 53–54. [Назаренко, 2008а]
- Назаренко А. В. Ефрем, свт. // ПЭ. М., 2008. Т. 19. С. 36–38. [Назаренко, 2008б]
- Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год).
- Назаренко А. В. Переяславская митрополия на Руси на рубеже XI–XII вв. (династическая и внешнеполитическая подоплека церковной географии) // Книга картины земли: Сб. статей в честь И. Г. Коноваловой. М., 2014. С. 192–211.
- Назаренко А. В. Дудика, *Негварь*: два германских антропонима в новгородской традиции // Slověne–Словѣне. International Journal of Slavic Studies. М., 2015. Vol. 4, № 1. С. 323–333. [Назаренко, 2015а]
- Назаренко А. В. Новгородский холоп Дудика и соболя падерборнского епископа Майнверка // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 293–301. [Назаренко, 2015б]
- Назаренко А. В. «Никола вешний»: новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святителя Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. М., 2016. Сб. 11: К 70-летию Н. Н. Лисового. С. 258–284.
- Невострюев К. И. Исследование о Евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово евангелие XII века: Исследования. М., 1997. С. 5–649. (Работа была написана в 1850-е годы, но осталась неопубликованной.)
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, исправл. и дополн. для русского перевода / Перев. А. В. Назаренко под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. (Subsidia Byzantinorossica. Т. 1).
- Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Киев, 2011. (Ruthenica. Supplementum, 3).
- Сергий (Спаский), архиеп. Полный месящеслов Востока. Изд. 2. Владимир, 1901. Т. 2. Ч. 2.
- Толочко А. П. Замечания о первых митрополитах киевских // «Вертоград многоцветный». Сб. к 80-летию Б. Н. Флори. М., 2018. С. 73–90.
- Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002.
- Чичуров И. С. Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI – начало XII в.) // Russia Mediaevalis. München, 1996. Т. 9, 1. С. 43–53.
- Чичуров И. С. Избранные труды. К 60-летию И. С. Чичурова. М., 2007.
- Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. [Т.] 2. (Berliner byzantinische Arbeiten. Bd. 23).
- Poppe A. Le traité des azymes Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας: Quand, où et par qui a-t-il été écrit? // Byzantion. Bruxelles, 1965. Т. 35. P. 504–527. (Перепечатано: Poppe A. The Rise of Christian Russia. London, 1982. Nr. VII.)

Alexander V. Nazarenko

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SOMETHING ABOUT TWO RUSSIAN METROPOLITANS OF THE 11TH CENTURY EPHRAIM OF KIEV AND EPHRAIM OF PEREYASLAVL'

Information about two Russian metropolitans of the same name Ephraim from the second half of the 11th century are often confused. Author aims to clarify this issue challenging the recent attempt at identifying these two personalities.

Keywords: Kievan Metropole, Metropole of Pereyaslavl', eunuchs

